
БОГОСЛОВИЕ И АНТРОПОЛОГИЯ

ПАСТЫРСКАЯ ПОМОЩЬ БОЛЬНЫМ И УМИРАЮЩИМ¹

МИТР. АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ*

Беседа митрополита Сурожского Антония (1914—2003) посвящена пастырской заботе о больных и умирающих. В этой беседе митрополит Антоний привлекает внимание слушателей к тому, как нужно вести себя, находясь с больным или приближающимся к концу жизни человеком. По-настоящему слышать человека в этой ситуации, быть с ним открытым и честным, верить, что последнее слово — не за смертью, а за жизнью, — такие выводы делает митр. Антоний из своего опыта священника и врача.

Ключевые слова: пастырское служение, забота, переживание смерти.

Для цитаты:

Митр. Антоний Сурожский. Пастырская помощь больным и умирающим // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 5. С. 5—10. doi:10.17759/cpp2016240501

* Антоний, митрополит Сурожский (19.06.1914—04.08.2003), в миру Андрей Борисович Блум. В 1957—2003 гг. возглавлял епархию Русской Православной Церкви на Британских островах, в 1966—1974 гг. — Экзарх Патриарха Московского в Западной Европе. Имел почетное звание доктора богословия Абердинского и Кембриджского университетов, Московской и Киевской духовных академий — за совокупность научно-богословских и проповеднических трудов. Для верующих в Советском Союзе имело огромное значение его слово, звучавшее в религиозных передачах ВВС, распространявшееся в самиздате. Его книги о молитве, о духовной жизни переведены на многие языки мира, с 1991 г. его тексты широко издаются в нашей стране.

¹ Лекция, прочитанная для финских православных священников, Куопио, август 1974 г. / Пер. с англ. А. Михеева; под ред. Е.Л. Майданович. © Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation.

Я буду говорить с вами, исходя из собственного жизненного опыта. Этот опыт разнообразный: с одной стороны, я был врачом в течение пятнадцати лет, с другой — я болею вот уже примерно двадцать пять лет; наконец, столько же лет я священник. Так что, когда я буду говорить о болезни или смерти, наверное, я буду одновременно говорить с нескольких точек зрения. И возможно, это самое полезное, чем я могу с вами поделиться.

Я бы хотел вначале вспомнить древнее монашеское высказывание, смысл которого оказался сильно искажен. Подвижники раннехристианской Церкви говорили: «Помни час смертный». Высказывание сохранилось, но отношение христиан к нему изменилось, и изменилось в очень печальную сторону. Было время, когда христиане воспринимали смерть как путь в жизнь вечную. Это видно из многих высказываний апостола Павла: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение» (Флп. 1:21), «Я не хочу совлечься временной жизни, но облечься в вечность...» (ср.: 2 Кор. 5:4). Большинство сегодняшних христиан относятся к этому иначе. Смерть ждут со страхом, и не только по тем причинам, по которым стоило бы; не потому, что христиане ждут за порогом смерти последнего суда, а потому, что ни отдельные христиане, ни христианское сообщество не могут сказать со Святым Духом Божиим: «Гряди, Господи Иисусе, и гряди скоро!» (ср.: Откр. 22:20). И все же мысль о смерти не должна быть источником ужаса; я надеюсь, что смогу показать, что память о смерти — это единственный способ жить в меру жизни со всем величием человека. Если человек недостаточно велик для смерти, он слишком мал для жизни. Пусть это послужит общим вступлением к тому, что я хочу сказать.

Когда человек заболевает, с ним происходит несколько вещей. Во-первых, человек обнаруживает, что его тело — это он сам. Обычно люди живут так, будто они — духовные существа, которые просто используют тело, само по себе мало что значащее. Болезнь заставляет нас признать, что мы в такой же степени телесны, как и душевны. Второе, что мы обнаруживаем, столкнувшись с болезнью, — это что мы полностью беспомощны и полностью зависим от милости Божией и от сострадания других людей. Третье, что всегда приходит на ум больному человеку: конечным итогом болезни может быть смерть. Конечно, я не говорю о пустяковых заболеваниях вроде простуды. Но когда болезнь серьезна или ее природа непонятна, приходит мысль о смерти, хотя ее не всегда признают и не всегда допускают. Каково в этот момент наше место как пастырей?

Во-первых, у нас должны быть такие отношения с людьми, чтобы наш визит воспринимался нормально и с радостью. Во многих домах приход священника к больному выглядит почти как напоминание

о том, что смерть уже у порога. Таким образом, пастырская забота о больном начинается, когда он еще здоров, с установления простых и дружеских отношений. Во-вторых, мы должны проговаривать то, что человек боится сказать; но делать это, не запугивая, а так, чтобы помочь человеку посмотреть в лицо всем своим проблемам. Я помню, как во время войны у нас в госпитале был священник, который использовал болезнь человека, чтобы напугать его и тем вернуть к религии. Так делать нельзя. Мы должны иметь смелость и такт, чтобы помочь больному говорить о своих страхах, потому что одна из самых больших трудностей для больного — это изоляция, которую рождает боязнь открыться. Многие из тех, кто считает себя смертельно больным, не осмеливаются задать вопрос, потому что боятся услышать ответ. И всю энергию, которая могла бы быть направлена на излечение, поглощает страх перед возможным ответом. Первое посещение больного человека может стать началом движения к правдивости. И в первую очередь нужно отнестись к человеку, которого вы посетили, с интересом и заботой. Нет ничего более разрушительного для душевного состояния человека, чем визит священника, который приходит, садится и смотрит на часы. Может быть, вы торопитесь, вам нужно идти еще куда-то; но человек, к которому вы пришли, должен чувствовать, что все то время, когда вы рядом с ним, вы не думаете ни о ком и ни о чем другом. Нужно научиться смотреть на человека и слушать его. И на протяжении всего разговора обращайтесь внимание не только на слова, но и на выражение глаз, лица, на тон голоса.

Мы нередко слышим, как очень бодрые слова произносятся очень испуганным голосом. И мы должны уметь отвечать на страх или на вопрос, который скрывается за словами, а не только на сами слова. В зависимости от того, какие отношения у нас с человеком, можно поступать по-разному. Если мы знаем человека достаточно хорошо, можно просто сказать: «Нет, будь честен, не разыгрывай передо мной спектакль. Давай поговорим по-простому. Ты боишься. В чем дело?» Если мы знаем человека не очень близко или если наши отношения недостаточно глубоки, мы должны найти способ показать, что мы все понимаем, но при этом нельзя ранить человека. Я помню, как посещал одну очень испуганную женщину, которая противилась всем попыткам общаться просто и прямо. И тогда я прибег к такой стратегии. Я сказал ей: «Как замечательно, что в нашем случае нет опасности смерти или серьезной болезни». И затем, по ходу разговора, я рассказал ей о смерти моей матери. У нее был рак, как и у женщины, которую я посещал. Мы долго говорили обо всем, что я пережил, пока мама умирала. И в конце эта женщина спросила меня: «Как вы думаете, я смогу встретить смерть так, как ваша мать?» И тогда мы смогли говорить о ней, а не о моей матери.

Есть люди, которые знают, что их болезнь серьезна и может привести к смерти, у них есть проблемы в жизни, они боятся за свои семьи, переживают из-за дел. Они всегда стремятся вырваться из больницы или из постели как можно скорее. И мы должны среди прочего убедить их побыть в тишине и покое. Я помню, как один человек в таком положении сказал мне: «Я должен выздороветь, мне еще столько нужно сделать в жизни». И я ответил ему, что на протяжении последних десяти лет он все время говорил мне, что хотел бы хоть несколько недель ничего не делать, а просто *быть*. «Вы сами ничего не сделали, чтобы получить эти недели. Бог дал их вам, примите их». «Но как мне их использовать?» — спросил он. «Просто будьте в покое, будьте в тишине, будьте в мире». И затем мы начали говорить о том, чем наполнить эти недели. Этому человеку предстояло умереть в течение нескольких месяцев. Он еще не знал об этом, но я знал. Я указал ему, что здоровье, жизнь или смерть во многом зависят от моральных и психологических факторов. Речь не только о психосоматических заболеваниях, болезнях тела, вызванных состоянием психики; нас убивают некоторые состояния нашей собственной души: ненависть, злоба, чувство вины. И я предложил ему: если он хочет жить и быть цельным, целостным, он должен разобраться с этими проблемами, а тело свое оставить докторам, которые сделают для него все необходимое. И мы неделя за неделей разбирались с его настоящим и прошлым. Он понял, что у него были плохие отношения с сестрой, что прошлое вызывало в нем чувство горечи, что он чувствовал вину за некоторые поступки. И постепенно мы вместе с ним разрешали все эти проблемы настоящего и прошлого. Он примирился с Богом, он примирился со всеми людьми, с которыми еще мог поговорить. Затем он примирился со всем своим прошлым, с людьми, которых уже не было рядом. И можно было видеть, как шаг за шагом его душа, прежде тяжелая и обремененная, стала возвращаться к жизни, как трава после дождя. И в то же время его тело постепенно умирало. Он ужасно исхудал и ослаб, и, когда уже не мог вставать с постели, он сказал мне: «Как странно: мое тело умирает, и тем не менее я никогда не чувствовал себя настолько живым». Он осознал, что жизнь в нем не зависит от состояния тела. И когда в это время мы начали говорить с ним о смерти, он с улыбкой сказал: «Мое тело умрет, но жизнь у меня забрать нельзя. Жизнь, которую я ощущаю в себе, коренится не в теле».

Из этого я бы хотел сделать один или два вывода. Готовить кого-то к смерти — это всегда ошибка. Нужно готовить людей к жизни. Только когда человек дошел до понимания полноты жизни, понимания того, что жизнь укоренена в Боге, а не в человеческом теле, — только тогда он способен встретиться со смертью.

Мы должны осознать, что все мы больны смертельной болезнью, которая называется «смерть». И чем раньше мы поймем, что все мы явля-

емя умирающими, хотя смерть не имеет над нами власти, — тем лучше. Вот почему нужно готовиться к смерти смолоду. В жизни бывает момент, который зависит от возраста или от состояния здоровья, когда мы начинаем чувствовать, что наше тело увядает, что уходит физическая сила, что наш ум уже не такой острый, что наши чувства уже не столь живые, как были в молодости. И в этот момент есть опасность перепутать смерть с увяданием; решить, что смерть — конечный результат постепенного увядания, что смерть — окончательное разрушение.

Когда мы думаем о смерти в значительно более молодом возрасте, когда она еще не действует в нашем теле, мы можем взглянуть в лицо смерти как вызову жизни. Я помню, как отец сказал мне: не важно, жив ты или мертв, важно, ради чего ты готов жить или умереть. Значение имеет не сама жизнь или смерть, но то, чем наполнена жизнь, и тот вызов, который бросает смерть. И вот еще что сказал мне отец: ты должен ждать смерть так, как юноша ждет свою невесту. Готовиться к смерти так — значит смотреть в лицо жизни со всей смелостью и дерзновением. Такое отношение означает, что есть ценности столь великие, по сравнению с которыми смерть — ничто. Для верующего это любовь, любовь Божия. Для человека неверующего это может быть идеал. Все, чему мы готовы служить, а не использовать, может дать нам достаточно величия, чтобы посмотреть в лицо смерти.

Я думаю, это основные принципы нашего пастырского подхода к больным и умирающим. Конечно, можно сказать гораздо больше о различных ситуациях. Но это основные принципы. Только уча людей жить в полную меру любви Божией, во всем масштабе величия человека, мы можем помочь человеку встретить смерть — после того, как он встретил жизнь. Невозможно ожидать, что люди, которые боятся или не способны творчески, дерзновенно встречать жизнь, творчески и с решительностью встретят смерть. Но в то же время только встреча лицом к лицу со смертью, то, как мы встречаем ее, может дать уверенность в том, что мы можем встречать жизнь до предела риска. И к этому мы призваны: так обладать жизнью и смертью, чтобы мы могли сказать вместе с апостолом Павлом: «Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение».

Из ответов на вопросы

Скажите, пожалуйста, кратко о таинстве елеосвящения. Его совершают только над умирающими?

Таинство елеосвящения — это не только таинство для исцеления тела. Если вы почитаете о том, какие для него необходимы условия, вы увидите, что человек должен исповедаться за всю свою жизнь. А ис-

поведаться за всю жизнь — это не просто составить список всего, что происходило в последние шестьдесят лет. Это означает пройти весь путь очищения от зла, от накопившейся неправды. В молитвах таинства елеосвящения ясно говорится: мы надеемся, что исцеление души перельется, Бог даст, и в исцеление тела. Поэтому я думаю, что прибегать к таинству елеосвящения только как к попытке исцелить тело — ошибка. Это не форма церковной медицины. Это действительный акт пастырской заботы. И когда мы подготавливаем человека, помогаем ему вновь обрести душевную цельность, он может сказать: я чувствую себя настолько преображенным, что мне неважно, буду ли я жить или умру, болен я или здоров. Может случиться, что, когда человек вновь обрел целостность, цельность души и духа, он скажет вам: «Мне уже неважно, живу я или умер, выздоровел или нет».

PASTORAL CARE FOR THE SICK AND THE DYING

METROPOLITAN ANTHONY OF SOUROZH*

Metropolitan Anthony of Sourozh (nee Andrey Borisovich Bloom, 19.06.1914—04.08.2003) was the Head of the Russian Orthodox Church in Great Britain and Ireland from 1957 till 2003, from 1966 till 1974 he also served as the Patriarchal Exarch in Western Europe. Honoris Causa Doctor of Divinity of Aberdeen and Cambridge Universities, Hon. DD of Moscow and Kiev Spiritual Academies for theological and missionary work. His word, broadcast by the BBC and spread by means of Samizdat was greatly valued by the believers in the USSR. His books on prayer and spirituality have been translated in many languages worldwide. From 1991 his texts are being widely published in Russia.

For citation:

Metropolitan Anthony of Sourozh. Pastoral Care for the Sick and the Dying. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2016. Vol. 24, no. 5, pp. 5—10. doi:10.17759/cpp2016240501 (In Russ., abstr. in Engl.).

* Metropolitan *Anthony of Sourozh* (nee Andrey Borisovich Bloom, 19.06.1914—04.08.2003) was the Head of the Russian Orthodox Church in Great Britain and Ireland from 1957 till 2003, from 1966 till 1974 he also served as the Patriarchal Exarch in Western Europe. Honoris Causa Doctor of Divinity of Aberdeen and Cambridge Universities, Hon. DD of Moscow and Kiev Spiritual Academies for theological and missionary work. His word, broadcast by the BBC and spread by means of Samizdat was greatly valued by the believers in the USSR. His books on prayer and spirituality have been translated in many languages worldwide. From 1991 his texts are being widely published in Russia.